

SWEEPS-98167[7] — седьмой спутник планеты SWEEPS-98167. Будь у него хоть какая-то примечательная черта, ему наверняка дали бы имя после открытия. Пусть даже как у Освальда, названного прямо в честь тюрьмы. Но этот спутник оказался слишком невзрачным — настолько, что заслужил лишь безликий порядковый номер.

Как и множество других безымянных небесных тел, он представлял собой лишь каменистую корку с однообразной флорой, фауной и унылым, застывшим климатом. Из-за отсутствия перемен к нему быстро привыкаешь: достаточно провести здесь три-четыре дня, чтобы почувствовать себя полноправным хозяином. И пускай площадь его поверхности составляла солидные тридцать восемь миллионов квадратных километров, казалось, будто это просто задний двор, а линия горизонта — всего лишь край родной усадьбы.

«Ну и на какие «чудеса» тут можно смотреть?»

Эрвин промолчал — не хотел портить спутнику настроение.

Его провожатый — лейтенант Герс Шлиффен, действующий офицер полиции под началом Федерального правительства. По всем правилам профессиональной этики ему следовало приковать особо опасного преступника первой категории электрошоковыми наручниками к какой-нибудь трубе и глаз с него не спускать. Но сейчас Шлиффен, похоже, напрочь забыл о долге, усердно изображая личного шофёра на экскурсионном маршруте для своего же заключённого.

Без тепла и света близлежащей звезды далёкое мерцание над головой разве что добавляло романтики, но для освещения было практически бесполезно. За пределами узких лучей фар лежала глухая, крошечная тьма. Экскурсия выходила на редкость меланхоличной.

— Не замёрз? — поинтересовался их самозванный гид.

— Нет, сейчас не так уж холодно, — отозвался пассажир, которому было, в общем-то, всё равно.

— И всё же, — Шлиффен бросил на него короткий взгляд. — Я читал, что при параличе чувствительность тела притупляется. У этой машины нет окон, так что смотри не простудись. В моей аптечке средств от простуды нет.

— Ты поразительно заботлив, — заметил Эрвин.

— Ещё бы, от этого зависит и моя жизнь, — вздохнул Шлиффен. — Как подумаю, что ты возьмёшь и померёшь, оставив меня куковать тут в полном одиночестве целых три года... Аж жуть берёт. К тому же ты безумец. Заладил: «Жив я буду или мёртв, это не мешает мне уничтожить мир». Слышать такое тошно, кажется, ты и правда готов отбросить коньки в любой момент.

Эрвин искренне расхохотался:

— У тебя на редкость причудливый ход мыслей!

— А тебе не кажется жуткой сама мысль — торчать здесь в одиночку и в одну харю глушить апельсиновый сок?

— Если бы ты волею судеб не рухнул на эту планету, я бы и так был один, — Эрвин с улыбкой посмотрел на него. — Или ты всерьёз думаешь, будто постель, на которой ты сейчас спишь, я приготовил специально для тебя?

— Вообще-то люди, замышляющие дела подобного масштаба, обычно обзаводятся сообщниками, господин Герман!

— И кого же мне, по-твоему, следовало взять в долю? Твоего обожаемого Персидского леопарда? — с иронией осведомился Эрвин.

«Персидский леопард» уже прочно закрепился в качестве прозвища за господином Планком Вейлем. Интересно, разозлился бы председатель, услышав, как бесцеремонно его величает собственный ученик? Ведь на деле Планк был человеком на редкость строгим и не улыбочивым.

— Альфа стал бы отличным кандидатом, — Шлиффен направил машину на каменистый, ухабистый участок. В ночной темноте их разведывательная машина мерцала, точно одинокий светлячок. — Он бы таскал тяжести, да и просто разгонял тоску разговорами.

— Это я у него на побегушках, а не наоборот, — вздохнул Эрвин. — Или ты думаешь, что система «Оуэн» — моя личная прихоть? Это целиком его проект. Я был лишь фигурой, претворяющей его идеи в жизнь. Ладно, «фигура» звучит слишком пафосно, скорее уж послушный инструмент. Смешно даже думать, будто он пошёл бы ко мне в сообщники. С какой стати ему помогать мне крушить новый мировой порядок, который он сам же и выстроил?

— Ну а как же твои ученики? Бета тоже подошёл бы — покладистый, надёжный, работающий, — Шлиффен вспомнил свою знакомую сиделку, славную и кроткую девушку.

— Мои ученики, очевидно, куда больше уважают своего Леопарда. До безумия обидно! Труссы несчастные.

Шлиффен хмыкнул:

— Да ладно тебе. Наверняка ты просто нелюдим и характер у тебя скверный.

— Я прекрасный компаньон! — возмутился Эрвин, хотя спор уходил явно не в ту степь. — Я и

по магазинам с ними ходил, и в рестораны возил. Я прекрасно знаю, что один из них обожает оперу, а вторая души не чает в сладостях и шопинге. Каждый месяц я выкраивал время, чтобы провести его с ними, а на дни рождения всегда отправлял открытки!

— А этот твой Леопард... он хоть раз ходил с Анни по магазинам?

—... Вроде бы нет. А что?

Шлиффен нахмурился и уставился на него с глубочайшим изумлением:

— И за все эти годы тебе ни разу не пришло в голову, что они просто договаривались по очереди вытаскивать тебя в свет, чтобы ты окончательно не одичал? Сдаётся мне, в столице ты был типичным безумным учёным, безвылазно торчащим в подземной лаборатории. Честно, даже мне, постороннему человеку, хочется взять тебя за шкурку и вывести погулять. Такое чувство, что если тебя не трогать, ты просидишь на одном месте неделю. Да что там неделю — месяц из комнаты не выйдешь! Эрвин, это же форменная суперспособность!

— Включи музыку! — вспыхнул Эрвин. Он искренне не считал себя чудаковатым затворником.

— Ого, задел за живое? Не думал, что омеги такие обидчивые... — Шлиффен со смешком щёлкнул тумблером бортового проигрывателя. Салон наполнили величественные звуки оркестра. — О, отличный вкус! Вивальди? Не ожидал от тебя любви к барокко, думал, включишь какую-нибудь попсу полувековой давности.

— Тебе тоже нравится? — удивился Эрвин. — Обожаю его «Времена года», особенно «Весну».

Из динамиков как раз лилась жизнеутверждающая мелодия «Весны».

— Ещё бы мне не нравилось! Это же официальный гимн подъёма в тюрьме Освальда, — расхохотался Шлиффен и, дурачась, заговорил ледяным, гнусавым тоном тюремного диктора: — «Внимание, точное время — пять часов утра. Всем заключённым немедленно подняться и приступить к уборке камер. Завтрак начнётся ровно в пять тридцать. Личному составу охраны приготовиться к открытию шлюзов жилых блоков через десять минут. Повторяю: подтвердите завершение утреннего досмотра. Особое предупреждение лейтенанту Герсу Шлиффену: под вашим надзором находится особо опасный преступник первой категории. Он крайне раздражителен, поэтому убедительная просьба — не злите его!» Ха-ха-ха! Ну как, Эрвин, примерно так ты себе это представлял?

Эрвин воззрился на него как на законченного идиота. Он изо всех сил пытался сохранить бесстрастное выражение лица, но дурачество Шлиффена было настолько заразительным, что он всё-таки приснул от смеха.

— О... А вот это моя любимая. «Болеро» Равеля. — Шлиффен крутанул руль, и

разведывательная машина, подпрыгивая на ухабах, закружилась на месте. — Ну скажи, разве мы не похожи на двух светлячков, вальсирующих в бездне?

В какой-то момент центробежная сила едва не выбросила безвольное тело Эрвина с сиденья, и Шлиффен вовремя перехватил его за руку.

— С ума сошёл?! — испуганно вскрикнул Эрвин. — Держи меня крепче!

Шлиффен не стал усаживать его обратно. Резко вывернув руль в противоположную сторону, он пустил машину в занос, и Эрвин по инерции повалился прямо к нему на грудь.

— Знаешь, мне всегда казалось, что это танец исключительно для двоих мужчин. Как думаешь?

— Твоя тоска по архаичному гендерному делению Древней Земли порой переходит все границы, — переводя дыхание, проворчал Эрвин. — Следи за дорогой, ненормальный!

— Услышать подобное от признанного безумца — великая честь, — усмехнулся Шлиффен, выравнивая разведывательную машину. — Ты что, вспотел от страха?

— Ещё чего!

Шлиффен заботливо стёр капельки пота с его переносицы:

— Приехали, господин Герман. Прошу на выход.

«Приехали» — это было мягко сказано. Место вовсе не являлось неизведанным чудом природы и уж точно не походило на обещанные залежи красного железняка. Они остановились у края того самого тектонического разлома, куда уже спускались ранее для ремонта температурных датчиков.

— И зачем мы снова сюда припёрлись? — нахмурился Эрвин.

Шлиффен спрыгнул на грунт и закрепил разведывательную машину стояночными упорами.

— Кое-что интересное. Я раздобыл два термозащитных костюма, мой дорогой пухляш Эрвин.

— Эй! Ты что задумал?

Шлиффен проигнорировал вопрос. Достав объёмистый оранжевый скафандр, он принялся аккуратно натягивать его на безвольное тело учёного. Щёлкнул клапан подкачки, костюм с тихим шипением наполнился воздухом, превратив Эрвина в упитанный оранжевый бочонок.

— Теперь моя очередь, — весело бросил полицейский, быстро облачаясь во второй комплект и превращаясь в бочонок покрупнее.

Настроив гидравлические приводы суставов и проверив страховочные тросы, он надёжно закрепил карабины на их поясах. Напоследок водрузил на голову Эрвина массивный шлем и настроил внутреннюю связь.

— Что за глупые игры? — глухо раздалось в динамиках шлема. — Объясни наконец, что происходит!

— Отлично, связь работает без помех! Так что советую следить за языком — я всё слышу, — отозвался Шлиффен. Напевая под нос весёлый мотивчик, он легко подхватил Эрвина на руки.

До края разлома оставалось не больше десяти метров. Преодолев небольшой пологий подъём, Шлиффен замер у самого обрыва.

Снизу, из тёмной пасти бездны, поднимались плотные волны удушливого жара. Даже сквозь многослойную изоляцию термокостюмов отчётливо чувствовалось биение восходящих потоков горячего воздуха. Нехорошее предчувствие ледяной иглой укололо сердце Эрвина.

— Послушай... — замялся он, желая объяснить, что его прошлые слова были не более чем шуткой.

— Угу, — понимающе протянул Шлиффен, хотя его решительный вид говорил об обратном. — Держись крепче, Эрвин. Мы прыгаем!

Он присел, пружиня ногами, сгруппировался и...

Шагнул в пустоту.

— А-а-а-а-а-а! — истошный, полный первобытного ужаса крик Эрвина разорвал эфир.

Этот сумасшедший действительно прыгнул! Без колебаний увлёк его за собой в бездну. «Держись крепче» — легко сказать! Да как паралитик вообще может за что-то держаться?! Мимо глаз безумным калейдоскопом проносились острые выступы скал, а собственное сердце, казалось, выскочило из груди и улетело куда-то вверх. Какова длина троса? Десять метров? Двадцать? В голове Эрвина царил полнейший хаос.

Падение прекратилось так же внезапно, как и началось. На долю секунды они зависли в мёртвой точке. Прямо под ними бушевало багровое море жидкого пламени, готовое поглотить их целиком. Эрвин не успел даже осознать этот кошмар, как краткая пауза закончилась, и натянувшийся амортизирующий трос с силой швырнул их обратно к небу.

— А-а-а-а-а! — новая волна паники вырвала из его горла ещё более дикий вопль.

Они взлетали и падали вновь, раскачиваясь на упругой стропе. Крик Эрвина постепенно сорвался на хриплые вздохи. А Шлиффен всё это время безудержно, оглушительно хохотал. В этот момент Эрвину больше всего на свете хотелось раздобыть нож, перерезать страховочный фал и отправить этого жизнерадостного ублюдка на свидание с лавой.

— Псих! Чокнутый! Ненормальный! — наконец, когда амплитуда колебаний сошла на нет, прохрипел Эрвин, изливая всю скопившуюся злость.

— Ты что, плачешь? — сквозь прозрачный щиток шлема Шлиффен разглядел блестящие от слёз тёмные глаза Эрвина.

Да, он плакал, и ничуть этого не стыдился.

— Любой нормальный человек на моём месте испугался бы до смерти! — сорвался на крик Эрвин.

Во время прежних экспедиций он спускался сюда чинно и благородно, дюйм за дюймом преодолевая крутизну на альпинистском снаряжении! Это была научная работа, чёрт возьми, а не аттракцион для любителей адреналина!

— У тебя точно крыша поехала! Зачем устраивать этот цирк? — голос Эрвина всё ещё заметно дрожал. — Жизнь надоела?!

На лице Шлиффена промелькнуло некое подобие раскаяния. Он инстинктивно потянулся к Эрвину, но, наткнувшись на преграду из закалённого пластика, лишь глуповато улыбнулся.

— Прости, — его голос в наушниках зазвучал мягче, тише. — Просто... мне очень не хотелось, чтобы спустя много лет, если кто-то вдруг спросит обо мне, всё, что ты смог вспомнить — это дурацкая история с рыбьей костью... И чтобы ты потом строчил об этом свои занудные, мрачные стихи. Эрвин, я не знаю, почему судьба свела нас на этой Богом забытой планете, и уж тем более не представляю, какой финал нас ждёт. Но мне искренне хочется, чтобы в твоей памяти обо мне осталось хоть что-то по-настоящему прекрасное. Взглянь туда.

Повинуясь жесту его руки, Эрвин посмотрел вниз, вглубь тектонического разлома. Там, в самых недрах планеты, клубилось и клокотало расплавленное золото жидкого камня. За годы работы геологом он повидал немало извержений и лавовых озёр, но никогда прежде ему не доводилось стоять с первозданной стихией лицом к лицу — так близко, без защитных экранов и смотровых стёкол лабораторий. Кто бы мог подумать, что под невзрачной, безжизненной коркой этого унылого спутника скрывается река первобытного огня, с рёвом пробивающая себе путь сквозь подземные лабиринты? Эта картина дышала таким неистовым жаром и величием, что у Эрвина перехватило дыхание, а к глазам снова подступили слёзы. Казалось, он обнажёнными руками прикоснулся к самому сердцу планеты и ощутил биение её бешеного,

неукротимого пульса.

— Красиво? — тихо спросил Шлиффен.

— Невероятно... — прошептал Эрвин. Повернув голову, он встретился взглядом с альфой. Сквозь прозрачное забрало шлема синие глаза Шлиффена сияли ярче далёких звёзд.

— Ты тоже очень красивый, — Шлиффен осторожно прикоснулся ладонью к его шлему, прижимая пластиковые забрала друг к другу. — Настоящий поэт. Ну же, скажи, что сейчас бурлит у тебя в груди? Снова фасолевый суп или рыбья кость?

— Глупости какие! — Эрвин невольно рассмеялся сквозь остатки слёз. — Если бы мне пришлось подбирать слова для того, что я сейчас чувствую... Я бы не справился. Моё сердце... оно словно разбилось на четырнадцать строк сонета. Я... — Он заглянул в глубину этих синих глаз и осёкся, чувствуя, что теряет дар речи.

— Знаю, — мягко прервал его Шлиффен. — У меня то же самое.

Над бездонной пропастью в несколько тысяч метров их связывала тонкая, но прочная нить страховочного троса. Лишённый возможности двигаться, Эрвин не мог обнять его в ответ, но всем существом ощущал, как бережно и крепко прижимают его к себе сильные руки. В хаосе его смятенных чувств рождалось нечто новое. Словно из самых тёмных глубин океана к зеркальной глади устремился крошечный пузырёк воздуха, жаждущий вырваться на волю и с тихим щелчком разорвать оковы водного плена. Казалось, стоит ему лопнуть — и холодная пучина согреется, а зыбкая грань между бескрайним небом и бездонным морем сотрётся навсегда.

— Шлиффен, — негромко позвал Эрвин. — Что для тебя жизнь?

— Для меня жизнь — это то, что происходит прямо сейчас.

<http://bllate.org/book/18311/1756280>